

Кирякин Александр Викторович

ИДЕЯ БОГА В ФИЛОСОФИИ Б. Н. ЧИЧЕРИНА

Статья исследует место Бога в философии Б. Н. Чичерина. Особенностью философии Чичерина было переосмысление Гегеля, иной подход к его концепции о "становящемся Абсолюте". Чичерин полагал, что Абсолют, Бог - это то, к чему стремится дух и чем он является изначально как источник всего сущего. Включение в свою философию идеи Бога позволило Чичерину изменить триаду Гегеля на тетраду и включить в число общественных союзов Церковь, это также позволило ему поднять достоинство человеческой личности на ту высоту, которую оно не имело в философии Гегеля.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/5/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(67) С. 103-106. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

WOMAN'S DRAMATURGY OF STAGNATION PERIOD IN THE ASPECT OF GENDER DIALOGUE

Karpova Tat'yana Nikolaevna, Ph. D. in Art Criticism
Yaroslavl State Theatre Institute
tatiana-n-karpova@rambler.ru

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of woman's dramaturgy appearance in the period of stagnation as a result of the actualization of the desire to engage in dialogue with men artists in the creative intentions of women writers. The gender approach and the method of contrastive analysis of the creative work of men and women playwrights used in the research allowed revealing the specificity of the ideological content and emotional mood of the woman's drama of the 70-80s of the XX century, and also showing their rigid conditionality with the senses built into man's creative work.

Key words and phrases: gender dialogue; dramaturgic creative work; playwrights; women playwrights; woman's fate.

УДК 1(091)

Философские науки

Статья исследует место Бога в философии Б. Н. Чичерина. Особенностью философии Чичерина было переосмысление Гегеля, иной подход к его концепции о «становящемся Абсолюте». Чичерин полагал, что Абсолют, Бог – это то, к чему стремится дух и чем он является изначально как источник всего сущего. Включение в свою философию идеи Бога позволило Чичерину изменить триаду Гегеля на тетраду и включить в число общественных союзов Церковь, это также позволило ему поднять достоинство человеческой личности на ту высоту, которую оно не имело в философии Гегеля.

Ключевые слова и фразы: Б. Н. Чичерин; Абсолют; Бог; общественные союзы; триада; тетрада.

Кирякин Александр Викторович

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
kiryakinallek@bk.ru

ИДЕЯ БОГА В ФИЛОСОФИИ Б. Н. ЧИЧЕРИНА

Важнейшей составляющей философии Б. Н. Чичерина была идея Бога как высшего Начала, но так было не всегда. В молодости увлечение философией Гегеля кардинально изменило его отношение к вере и религии. По собственному признанию, увлекшись новым мировоззрением, он посчитал, что философия Гегеля раскрыла для него «в удивительной гармонии верховные начала бытия» [8, с. 86]. Чичерину было необходимо пройти через, как он сам это охарактеризовал, «период безверия», чтобы установить для себя, где границы науки, что «может дать одна наука и чем можно ее восполнить для удовлетворения высших потребностей человеческой природы». Но вначале, в университетские годы, он вкусил плоды только науки: оказавшись перед выбором между наукой и религией, Чичерин выбрал науку [Там же, с. 59-60].

В 60-е годы произошел духовный перелом. После болезни Чичерин пережил религиозный переворот в своем сознании. В одном из писем он скажет, что «давно жаждал живого, душевного соединения с Высшим Существом, с верховным началом бытия». Чичерин по собственному признанию «часто тосковал от пустоты, которую эта прерванная связь оставляет после себя». Изучение истории и современности убеждало его в том, что христианство является отжившей религией, что христианство «не отвечает более новым потребностям человека, что для этого нужна новая, высшая религия, которая примет в себя все, чего недостает христианству» [5, ед. хр. 1362]. После Чичерин не раз будет возвращаться к аргументу, что христианство – религия отжившая, устаревшая, но уже с другой целью – с целью опровергнуть это мнение.

Далее Чичерин продолжает: «Нравственный переворот, который во мне совершился, состоял в том, что я от веры в будущее для потомства обратился к настоящему и к самому себе». Тиф был усугублен бессонницей, Чичерин не спал целый месяц, находясь при этом в полном сознании. И тогда он ощутил «потребность соединиться с Божеством, и сам Бог представился... как живое Существо, а не как сумма метафизических начал». Христианство после этого духовного переворота, по мнению Чичерина, стало той религией, которая дает «высший и вечный нравственный закон, необходимый для всякого человека, как подкрепление и поддержка на жизненном пути» [Там же]. Таким образом, для Чичерина христианство из отжившей религии стало религией, которая дает человечеству высший нравственный идеал. Этот принцип станет крайне важным для его философской системы в дальнейшем.

Если сравнивать между собой научные труды Чичерина и его «Воспоминания», то мы и сегодня придем к убеждению о существовании как бы двух Чичериных: того сухого рационалиста, которым он предстает для нас на страницах своих научных трудов, и живого эмоционального человека, каким он видится на страницах собственных мемуаров. Современниками делались выводы и о существовании как бы двух чичеринских

философий: «книжной, надуманной, гегельянской» с одной стороны, и с другой – «жизненной, непосредственной, созданной на основе собственного внутреннего опыта», – такую гипотезу выдвинул Н. Н. Алексеев. Однако с ней не согласился исследователь русской философии В. В. Зеньковский, указав, что достаточно «заглянуть... в религиозный мир Чичерина», чтобы прийти к иным выводам [2, с. 592]. Насколько прав был Зеньковский, рассмотрим ниже.

Бог и религия нашли себе место в философской системе Чичерина. Церковная организация стала одним из фундаментальных оснований бытия общества, гегелевское положение о трех союзах – семье, гражданском обществе и государстве – было дополнено четвертым союзом, Церковью, и этот общественный союз получил самостоятельный статус [3, с. 59]. Другим отличием от гегельянства была абсолютизация человеческой личности и подчеркивание ее достоинства. Человек, согласно Чичерину, как «реальный субъект... погружен в относительное бытие». Но своим сознанием он возвышается к Абсолютному, находясь «с ним в живом и сознательном взаимодействии». Только так человек обретает подлинную свободу. Н. О. Лосский указал, что «Чичерин поднял индивидуальное личное бытие человека на ту высоту, которую оно заслуживает, и признал его вечным и свободным творцом» [4, с. 179-180, 184].

Это изменило и сам Абсолют. Под влиянием «религиозных переживаний Чичерин совершенно отбрасывает одну из коренных идей Гегеля о становящемся Абсолюте». Теперь дух у него, являясь конечной целью абсолютного, становится и формой начальной – «источником всего сущего», т.к. Бог не может не быть совершенным [2, с. 593-594]. Гегелевская триада замещается тетрадой: четыре общественных союза, четыре ступени развития, четверичная схема диалектического движения: начальное единство, его распад на отвлеченное общее и отвлеченное частное, и все это сочетается в высшем единстве. Эта же схема и в историческом развитии: «Человечество идет от раздвоения к конечному единству по тем же самым ступеням, по которым оно шло от первоначального единства к раздвоению, только в обратном порядке» [9, с. 451].

Бог в философии Чичерина занял свое органичное место. По мнению Н. А. Бердяева, порядок для Чичерина – предмет особой любви, и в его философской системе все имело свое место, и все было зачислено «по известной категории». Особенно это проявилось в работе «Наука и религия». В этой работе, по мнению Бердяева, «религиозная проблема трактуется так рассудочно, что Бог оказывается богом благоустройства и порядка, что самый решительный, казалось бы, идеализм не ведет к новым мирам, что в старом, ветхом мире все остается на прежнем месте». Иными словами, Бердяев подчеркивал схематизм философской системы Чичерина [1, с. 230].

На то же указывал и философ В. С. Соловьев, когда описывал произошедший духовный переворот в Чичерине, переворот, открывший сущность и смысл жизни «помимо отвлеченных формул школьной доктрины, и когда он сам как будто приобщился к тому, что теперь называет мистикой». По мнению Соловьева, своей работой «Наука и религия» «Чичерин разделался с этим моментом своей духовной жизни..., засадил и религиозную истину в определенный угол своего умственного здания и, разрезав ее на части, разместил их по нескольким клеткам в этом углу. Все пришло в порядок». Миросозерцание Чичерина, как его видел Соловьев, при этом осталось «без действительного живого центра, но сам он нашел, что “все добро зело” и успокоился. Неужели навсегда?» [6, с. 693].

В Некрологе, подводя итог жизни Чичерина, В. Н. Сперанский дает ответ на этот вопрос: «Религиозное миросозерцание покойного философа можно упрекать в том отсутствии живого эмоционального центра, которое вызывается у него недостаточным признанием начала мистического». Для Сперанского Чичерин так и остался неисправимым односторонним рационалистом, который, являясь верным последователем «гегельянского панлогизма», «был неспособен, вернее не желал, понять философскую ценность религиозной интуиции». Такие оценки безусловно расходятся с мнением Зеньковского о философии Чичерина [7, с. 192].

Для того чтобы установить, насколько правильны приведенные точки зрения на место Бога и религии в философии Чичерина, стоит обратиться к уже неоднократно упоминаемой работе «Наука и религия», где наиболее полно изложены взгляды русского философа на эту проблему. В. В. Зеньковский указывает, что во всех работах Чичерина «чувствуются отзвуки острого чувства надмирности Бога», но только в указанной работе они находят наибольшую выразительность. Именно в «Науке и религии» более полно представлено отождествление религиозного понятия Бога с метафизическим понятием Абсолюта [2, с. 597].

Ни всемирный характер Божества, ни его трансцендентность не устраняют для Чичерина его рационализма, ведь оно, будучи Абсолютом, «открывается нам в разуме» [Там же, с. 597-598]. Как он сам пишет в «Основании логики и метафизики», «в субъективном мире признание безусловного нравственного закона ведет к признанию абсолютного разума, составляющего источник этого закона». Древние религии открывали Бога в природе, а это, с точки зрения Чичерина, было недостаточным, хотя и дало толчок к развитию древней философии, к движению «мысли от язычества к христианству, от откровения Бога в природе к откровению Бога в нравственном мире». Все это подготовило человечество к этому откровению [10].

Итак, христианство является для Чичерина закономерным итогом развития человеческой мысли. Христианство как бы сочетало в себе два противоположных начала бытия – разумно-нравственное и материальное и стало преимущественно «религией нравственного закона. Заклучая в себе все основные определения абсолютного: Силу, Разум и Дух», христианство стало «главным образом религией Слова, или верховного Разума, который составляет источник нравственного закона». И вслед за И. Кантом Чичерин утверждает, что бытие Бога составляет необходимый постулат нравственного закона [Там же].

Первобытные религии содержат представления о Боге, это одно уже составляет для Чичерина доказательство вечного присутствия Бога в человеческой душе. Полагая, что божество познается умозрением,

Чичерин утверждает, что только так можно доказать его существование. Существуют четыре доказательства: онтологическое, космологическое, физико-теологическое и нравственное. Чичерин пытается опровергнуть критику Канта первого доказательства бытия Бога, но, в сущности, не вносит ничего нового в эту проблематику, утверждая, что бытие Бога «основано на необходимых определениях нашего разума» [9, с. 102-104].

Сходным образом Чичерин пытается защитить космологическое доказательство от кантовской критики. Повторяя в общих чертах представления о том, что «в ряду причин и следствий необходимо прийти наконец к какой-нибудь первой причине и что причиной этой является Бог», он ссылается на свое опровержение критики онтологического доказательства и на этом основании утверждает, что и это доказательство «должно быть признано правильным». По поводу физико-теологического доказательства Чичерин соглашается с Кантом в том, что «пока оно отправляется только от опытных данных», оно «не идет далее причины, могущей объяснить явления». Чичерин использует здесь тот же аргумент, что и ранее: раз самосущее бытие представляет собой сочетание противоположностей, а это является очевидным требованием логики, то и физико-теологическое доказательство имеет значение, так как в наблюдаемых явлениях мира происходят борьба «частей и согласие в целом». Здесь воплощаются «закон собственного разума, а так как разумные законы имеют для нас безусловное значение, то мы приписываем эти явления действию абсолютного начала» [Там же, с. 106, 111-112].

Сами эти доказательства представляют собой логическое определение абсолютного, «теоретические доказательства бытия Божьего», которые «возникли отдельно, без всякой связи друг с другом». Это касается и нравственного доказательства, которое, по словам Чичерина, является частным приложением последних двух доказательств. Само их наличие говорит о том, что христианство содержит в себе глубокий философский смысл, также они выражают и принцип развития философского понятия об абсолютном бытии, которое для Чичерина и есть Бог [Там же, с. 113].

В истории Бог проявляется в понятии Проведение, а это в свою очередь порождает вопрос, «может ли оно вмешиваться в дела мира?». Если сама Вселенная создана Богом, если она управляется теми «вечными и неизменными законами, исходящими от самого Бога», разве этого всего недостаточно, разве требуется какое-то дальнейшее вмешательство? Это те вопросы, которые неизменно появятся, если принять основную идею Чичерина о месте Бога в его философии истории. Поэтому русский философ не может обойти их стороной и задается вопросом, не нарушает ли человеческой свободы вмешательство Бога в исторический процесс [Там же, с. 118].

Вмешательство Бога в дела материального мира трактуется людьми как чудо, а оно уже выходит само по себе за его пределы, нарушает установленный порядок во вселенной. Однако есть и та область, где вмешательство Бога совершается вне противоречия с природой вещей. Этой областью Чичерин называет человеческую душу. В ней «нет вечных и неизменных законов, которыми необходимым образом определяется вся последовательность душевных движений». Человек может выйти за пределы только материальных потребностей, нося в себе и абсолютное начало, высшие стремления и потребности. Человеческая душа является поприщем свободы [Там же, с. 119].

Кроме всего прочего, идея Бога представляет собой и высший нравственный идеал, который человек находит в лице Иисуса Христа. Обладая безусловной свободой, тем качеством, которое заложил в него Бог, человек волен распоряжаться этой свободой как угодно. Следовательно, возможна и сама нравственность, т.к. если бы человек не обладал безусловной свободой, действовал по принуждению, то ни о какой нравственности, а равно безнравственности, его поступков не могло бы идти и речи [11, с. 211-212].

Таким образом, включение Чичериным в свою философскую систему идеи Бога позволяет ему основательно отойти от Гегеля в трактовке проблемы Абсолюта, видоизменить диалектику (преобразовать триаду в тетраду), создать собственную оригинальную теорию исторического процесса и обосновать достоинство человеческой личности. Однако то, как Чичерин включил в свою философию идею Бога, многим его современникам показалось механическим, лишенным мистического начала, а сам философ предстал для них сухим рационалистом, склонным все систематизировать, в т.ч. и Бога.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Н. К. Михайловский и Б. Н. Чичерин (о личности, рационализме, демократизме и проч.) // Бердяев Н. А. *Sub specie aeternitatis: опыты философские, социальные и литературные (1900-1906)*. М.: Канон+, 2002. С. 224-240.
2. Зеньковский В. В. *История русской философии*. Харьков: Фолио; М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 896 с.
3. Кирякин А. В. Б. Н. Чичерин об институте Церкви // *Философские традиции и современность*. 2014. № 1 (5). С. 58-62.
4. Лосский Н. О. *История русской философии*. М.: Академический Проект; Триеста, 2011. 551 с.
5. Письмо Б. Н. Чичерина к Софье Сергеевне Боратынской (супруге брата Владимира) из Флоренции (Италия) от 23 января / 4 февраля 1865 г. // Дом-музей Г. В. Чичерина. ОФ.
6. Соловьев В. С. Мнимая критика (ответ Б. Н. Чичерину) // *Вопросы философии и психологии*. 1897. Год VIII. Кн. 4 (39). С. 645-694.
7. Сперанский В. Н. Б. Н. Чичерин (некролог) // *Журнал Министерства народного просвещения*. Седьмое десятилетие. 1904. Ч. 352. № 4. С. 186-196.
8. Чичерин Б. Н. *Воспоминания*. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2001. 336 с.
9. Чичерин Б. Н. *Наука и религия*. М.: Республика, 1999. 495 с.
10. Чичерин Б. Н. *Основания логики и метафизики* [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5326599 (дата обращения: 03.01.2016).
11. Чичерин Б. Н. *Философия права*. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

IDEA OF GOD IN THE PHILOSOPHY OF B. N. CHICHERIN

Kiryakin Aleksandr Viktorovich

Tambov State University named after G. R. Derzhavin
kiryakinalek@bk.ru

The article explores the place of God in the philosophy of B. N. Chicherin. The distinctive feature of Chicherin's philosophy was the rethinking of Hegel, a different approach to his conception of the "Absolute coming into being". Chicherin believed that the Absolute, God is what the spirit aspires to and what it is originally as a source of all matter. Chicherin included the idea of God in his philosophy, which enabled him to change the triad of Hegel to the tetrad and to include Church into the number of public unions. Also, it allowed him to raise the dignity of the human personality to the level, which it did not have in Hegel's philosophy.

Key words and phrases: B. N. Chicherin; the Absolute; God; public unions; triad; tetrad.

УДК 1; 111.1

Философские науки

Статья посвящена философскому осмыслению места категории «сущее» в онтологии. Проанализирована взаимосвязь категорий бытия, сущего и мышления, и предложена праксеологическая модель их объединения. Также обосновывается тезис об ошибочности формально-логического отождествления сущего и бытия, поскольку эти понятия формально составляют противоречие. Предлагается уточнить содержание термина «бессознательное» и установить роль бессознательного мышления в становлении наличного бытия как посредника между сущим и его осознанием.

Ключевые слова и фразы: сущее; бытие; небытие; бессознательное; мышление; истина.

Клёцкин Михаил Васильевич, к. филос. н.

Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С. П. Королева

(национальный исследовательский университет)

samkoms@mail.ru

БЫТИЕ СУЩЕГО

В русской философской традиции «сущее» часто отождествляют с «бытием», что является грубой и до сих пор неосознаваемой многими российскими философами ошибкой. До настоящего времени это ключевое философское понятие практически не изучалось, поэтому оно не имеет в российской философской традиции определённого содержания. Кажется, что смысл категории «сущего» очевиден, поэтому обращаться с этим понятием можно как угодно. Мы же считаем, что это понятие нуждается в уточнении. Обратимся к этимологии. По Фасмеру, слово это произошло от глагола «суть» (3-е лицо множественного числа от глагола *быть*) [2, с. 812, 814]. Таким образом, сущее значит нечто «бытийствующее». В немецком языке (из «шинели» которого выросла русская философская терминология) «сущее» – *Seiend* – также происходит от «бытия» – *Sein*. Неоспоримо, что мировоззрение русского народа сформировалось под сильнейшим церковным влиянием, в том числе выраженным в широком применении терминологии церковнославянского языка. В церковной традиции «сущее» – это субстантив от глагола *быть* и одно из имён Бога. Именно церковная традиция сформировала смысл понятия «сущее» в русском языке. Сущее не просто нечто «бытийствующее» подобно единичным предметам (в таком контексте использует этот термин, например, Хайдеггер), а нечто фундирующее само бытие (субстанция) – то, что бытийствует в бытии (*ontos on*), и то, что его движет. Таким образом, русский язык различает сущее и бытие (порождённое сущим и единое с ним) и ранжирует их.

Сущее – слово среднего рода, то есть нечто неопределённое, обретающее форму в становлении бытия. Сущее и бытие различны онтологически, но при этом образуют единство. Поскольку мы принципиально не можем выйти за границы бытия (ибо сами и есть бытие), единственная возможность определить сущее – это определить его как небытие, то есть как отрицание бытия. Сущее *есть* небытие, поскольку *мыслится* как таковое. Формальное противоречие этого суждения (утверждается, что небытие является бытием) снимается в утверждении «бытие всегда есть бытие сущего».

Для нас и через нас сущее существует как бытие, о-существляется в бытии, преломляется в нём. Говоря образно, сущее представлено через призму бытия. Собственно само бытие это всегда бытие сущего. Небытие представлено в бытии (мышлении) как бытийствующее и как начало *движения*. Итак, бытие – преобразованное сущее, его транс-формация. Бытие связано с сущим так, что сущее *одухотворяет* бытие, движет его и задаёт направление движения. Бытие бесконечно (равно как пространственно бесконечна вселенная), поскольку бытие замкнуто на самое себя, на свою самость. Бытие само-стоятельно, оно ищет и создаёт опору в себе и для себя. Самость бытия подчинена безусловному биологическому инстинкту выживания. Бытие представляется нам как бытие самости (в сознательном и бессознательном аспектах), а сущее выступает как внешний бытию раздражитель: как небытие, *становящееся* бытием, а именно – *наличным бытием*. В становлении бытие воспроизводит единство с небытием, образуя наглядный образ сущего – наличное бытие,